
Граф С.Д. Шереметев и учреждение Комитета попечительства о русской иконописи

Ольга Белоусова

**Count S.D. Sheremetev and the establishment
of the Committee of Guardianship of Russian Icon Painting**

Olga Belousova
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23040089, EDN: HMWYRJ

Комитет попечительства о русской иконописи, образованный в самом начале XX в. и просуществовавший вплоть до первых месяцев советской власти, являлся организацией, в деятельности которой искусство тесно переплеталось с взаимоотношениями внутри политической элиты страны. В отечественной историографии он неоднократно привлекал внимание исследователей кустарного производства и возрождения иконописания. Они изучали основные направления его работы¹, проводили сравнения с заявившим о себе несколько ранее британским движением «Искусства и ремёсла», которое оставило свой след и в культуре континентального европейского модерна², рассматривали влияние видного художника Н.Н. Харламова на иконописную школу Холуя³ и т.п. Однако о том, как вызревала идея создания комитета и с чем ему приходилось сталкиваться на начальном этапе существования, трудно судить без анализа богатого документального наследия гр. С.Д. Шереметева, хранящегося в РГАДА и до сих пор ещё далеко не исчерпанного историками.

Замысел учреждения организации, которая упорядочивала и систематизировала бы иконописное дело в России, возник в конце XIX в. В то время остро ощущалась необходимость подготовить новый Иконописный подлинник – руководство по созданию образов (в том числе настенных), содержащее как сами инструкции по следованию каноническим изображениям, так и описания церковных праздников, обликов Спасителя, Богородицы и святых, а также сложных композиций и составных иконостасов. Помимо этого в Подлинник включались богословские статьи, заметки о художественной стороне иконописания и практические наставления мастерам. Издание 1869 г., построенное на ма-

© 2023 г. О.В. Белоусова

¹ Ковалёва М.Д., Шипунова М.В. Комитет попечительства о русской иконописи (1901–1918): история и деятельность // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2014. № 17(139). С. 70–80; Рябчук Г.В. Основные направления деятельности Комитета попечительства о русской иконописи // Наследие и современность. Сборник материалов научно-практической конференции Самарского областного художественного музея. Самара, 2009. С. 174–183.

² Тарасов О.Ю. Русская икона в Серебряном веке. Из истории Комитета попечительства о русской иконописи (1901–1918) // Искусствознание. 2010. № 3–4(10). С. 461–486.

³ Тулицын И.В. Создание Комитета попечительства о русской иконописи. Роль Н.Н. Харламова // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 8. К 80-летию лаковой миниатюры Холуя. Иваново; Южа, 2014. С. 24–43.

териалах более раннего времени, к концу столетия заметно устарело и к тому же стало библиографической редкостью, его практически невозможно было приобрести. Между тем выпуск нового пособия для иконописцев требовал серьёзных финансовых средств и объединения усилий ведущих специалистов.

В феврале 1899 г. В.М. Васнецов предложил заняться переработкой Иконописного подлинника председателю Общества любителей древней письменности гр. С.Д. Шереметеву. К тому времени уже несколько лет они состояли в переписке. Граф, инициировавший создание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, пригласил художника присоединиться к его членам и надеялся, что тот поможет с оформлением журнала, который они собирались выпускать. При посредничестве гр. Шереметева Васнецов был представлен вдовствующей императрице Марии Фёдоровне и смог лично передать ей проект-эскиз памятника Александру III и наброски мозаик для русской церкви в Дармштадте. 5 февраля 1899 г. граф посетил выставку работ Васнецова в Академии художеств, где впервые с ним встретился и, будучи восхищён картинами, позвал к себе во дворец на обед, на котором также присутствовали товарищ министра иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, педагог и просветитель С.А. Рачинский, братья Барсуковы. В тот день Сергей Дмитриевич отметил в дневнике: «Васнецов уехал довольный, на прощание поцеловались. В общем обед вполне удался. Отраднo, что есть ещё такие люди»⁴.

Видимо, уже тогда они говорили о переработке Иконописного подлинника, к которой Васнецов призывал графа ещё в своих письмах, ссылаясь на выпущенный историком Н.В. Покровским при содействии Общества любителей древней письменности «Сийский иконописный подлинник»⁵. Во всяком случае, в середине февраля гр. Шереметев сообщал тому же Покровскому об идее Васнецова: «Мысль эта настолько встречает сочувствие, что я не сомневаюсь в привнесении к этому делу достаточных средств для выполнения этого серьёзного предприятия»⁶.

В конце февраля художник развил свои соображения в новом письме. Согласно его замыслу, Иконописный подлинник мог «послужить некоторым руководством для наших живописцев и иконописцев при расписании ими храмов и изготовлении икон» и исправить совершенно недопустимую ситуацию, когда им приходилось из-за отсутствия соответствующих указаний прибегать даже к западным гравюрам. Для этого предстояло тщательно отобрать как можно больше правильных образцов, ориентируясь на «наиболее художественные» оригиналы и сопровождая их пояснениями и практическими рекомендациями. «Словом, — заключал Виктор Михайлович, — руководство иконописания должно быть разработано по возможности подробно и внимательно». При этом особо оговаривалось, что неизбежное удешевление печати «не должно идти в ущерб художественному достоинству»⁷.

Копию этого письма гр. Шереметев тогда же направил признанному знатоку христианской живописи и иконописи Н.П. Кондакову, попросив его со-

⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 24.

⁵ Он выходил в серии «Памятники древней письменности и искусства»: *Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник*. Вып. 1–4. СПб., 1895–1898.

⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4075, л. 1–1 об.

⁷ Там же, л. 3–4.

общить своё мнение⁸. В начале марта Кондаков выразил «полное и глубокое сочувствие благому и высокому делу», взяться за которое следовало уже давно, поскольку иконописцы в массе своей не знают «всех способов выражения древней иконописи», а без её изучения и исправления «историческая живопись» не сможет «создать русское религиозное искусство». Со своей стороны, историк демонстрировал «полнейшую и искреннюю готовность на посильную работу» для осуществления намеченного Васнецовым⁹.

Перед этим, в конце февраля, гр. Шереметев получил также обстоятельное послание от историка и археографа Н.П. Лихачёва, который, напомнив про многочисленность иконографических образцов, настаивал на том, что «необходимо точно выяснить границы и цели предприятия». Он предвидел, что придётся потратить немало времени и сил на поиски оригиналов, сохранивших «отличительные признаки основного мастера». Особенно важным ему казалось приобретение «старых святцев хорошей работы, полных и неполных» (тут он рассчитывал на содействие Победоносцева). Очерчивая возможные трудности, он, в частности, сетовал на родственников жены из старообрядцев, которые «отказались даже дать фотографии» своих собраний икон и не позволили их сфотографировать. Кроме того, историка беспокоила стоимость задуманного издания. Поэтому он советовал готовить сразу два варианта – большеформатное, красочное, обстоятельное и доступную по цене выборку из него, которую можно было бы «раскидать по всей России». Более того, Лихачёв предложил графу выпустить ещё и альбом иконографий в их «исторической последовательности», с указанием «отличительных признаков» каждой. По его мнению, такая работа заняла бы два года, он признавал, подразумевая, видимо, Иконописный подлинник: «Это издание будет, однако, только намёком на то, что следовало бы сделать»¹⁰.

В марте гр. Шереметев пригласил войти в состав специальной «Комиссии для издания Иконописного подлинника по древним образцам иконописи» историка древнерусского искусства В.Т. Георгиевского. Поддерживая это намерение, учёный не сомневался, что потребность в новом руководстве «настоятельно ощущается всеми, кому дороги интересы русского вообще и в частности церковного искусства», и составить его «теперь более чем когда-либо благоприятно». Исследователи, которых граф хотел видеть в комиссии, по словам Георгиевского, имели «заслуженно высокий авторитет не только в России, но и в западноевропейском мире науки и искусства», и историк, соглашаясь стать её членом, даже скромно сомневался, сможет ли принести пользу «при столь высокоавторитетных в этом деле лицах»¹¹.

29 апреля 1899 г. на годичном собрании Общества любителей древней письменности Покровский сделал доклад «Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства», явно подталкивая собравшихся к организационным выводам. Реакция слушателей оказалась предсказуемой – «единодушное пожелание осуществления благой цели скорейшего из-

⁸ Там же, л. 5. В то время Кондаков при поддержке вице-президента Императорской Академии художеств гр. И.И. Толстого готовил сугубо научный труд, посвящённый иконографии евангельских сюжетов (Во главе Императорской Академии художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. М., 2009. С. 772).

⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4075, л. 15–16.

¹⁰ Там же, л. 8–10 об.

¹¹ Там же, л. 23–24.

дания полного Лицевого иконописного подлинника». Для этого при комитете общества сформировали специальную комиссию во главе с гр. Шереметевым из Васнецова, Георгиевского, Кондакова, Лихачёва, Покровского, архитектора Н. В. Султанова и протоиерея Михаила Хитрова (о том, что он скончался за два дня до заседания, ещё не знали). После этого граф подготовил для императора записку о колоссальности поставленной Обществом задачи и желательности образования для её решения «особого фонда», которым председатель мог бы распоряжаться под свою ответственность «при ближайшем участии состоящей при нём комиссии»¹².

Однако внимание Николая II летом–осенью 1899 г. было сосредоточено на кончине наследника цесаревича вел. кн. Георгия Александровича и назначении министром внутренних дел Д. С. Сипягина¹³. Поэтому гр. Шереметев не спешил беспокоить монарха своими предложениями. Лишь 25 ноября он попросил на аудиенции назначить ему особое время для доклада об издании Иконописного подлинника. Царь, похоже, сначала не воспринял сказанное всерьёз и даже «произнёс слово “богомазы”». Тогда граф заявил, что речь идёт про «тружеников, нуждающихся в поддержке», чьи произведения «имеют тесную связь с вопросами искусства», упомянул Васнецова и Кондакова, ставших «прикосновенными к этому делу». Николай II «высказался об них сочувственно» и разрешил «доложить ему обо всём этом деле»¹⁴.

Доклад был представлен 10 января 1900 г. На аудиенции граф прочёл обращение к царю, в котором говорилось об исключительном значении подготовки нового Иконописного подлинника для «дальнейшего преуспевания» иконописи и помощи занимающимся этим ремеслом. Одновременно он вручил императору подготовленную Кондаковым «Записку об издании Лицевого Иконописного подлинника по древним образцам». В ней рассказывалось о том, что данная идея высказывалась с 1865 г., её одобряли «все археологические общества», однако они ничего не предпринимали из-за «недостатка материальных средств». Между тем «жалобы художников на отсутствие русских изданий по иконографии стали давно общим местом», а сама иконопись с XVIII в. превратилась в ремесло, утратила «мало-помалу свои художественные достоинства» и оказалась в «поистине безотрадном положении». Кондаков ожидал, что Иконописный подлинник послужит «добрым почином в общем деле помощи народу в его важнейших видах художественной промышленности»: «Среди сёл и местечек, населённых иконописцами, будут, наконец, учреждены рисовальные школы, и древние образцы будут художественно перерабатываться иконописцами из народа, близкими к делу, им родному, и чувствующими по духу согласно с народом»¹⁵.

Судя по подробной записи в дневнике гр. Шереметева, Николай II обещал изучить вопрос и «с особенным интересом» ознакомиться с запиской Кондакова. Затем граф упомянул, что многое зависит от присутствия академика, проживавшего в Крыму, в столице, где у него не было «определённого дела». Царь сразу же признал «необходимость привлечь Кондакова в Петербург и дать ему

¹² Там же, л. 40–41.

¹³ Подробнее см.: *Андреев Д. А.* «Наследник, но не цесаревич» // *Родина*. 2011. № 7. С. 44–48; *Андреев Д. А.* Дмитрий Сергеевич Сипягин // *Вопросы истории*. 2020. № 1. С. 44–45.

¹⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 163–164 об.

¹⁵ Там же, л. 5046, л. 8 об.; *Кондаков Н. П.* Записка об издании Лицевого Иконописного подлинника по древним образцам. СПб., 1899.

дело», затем хвалил Васнецова «как художника и как человека», особо отметив его скромность. По мере беседы его интерес к обсуждаемому предмету заметно усилился, и он даже спросил у графа: «Мой отец, не правда ли, очень всему этому сочувствовал?». Разумеется, собеседник ответил ему утвердительно. Когда разговор коснулся имевшегося синодального издания иконописных образцов, которое Победоносцев уже показывал царю, гр. Шереметев решительно возразил: «Но это не то, это не по старым образцам». Император, улыбаясь, согласился: «Совсем не то». В конце аудиенции он сказал, что с удовольствием встретится с Кондаковым, и поручил графу уведомить о том академика. По просьбе гр. Шереметева, опасавшегося «вторжения ревнующих», царь заверил, что передаст позднее все бумаги президенту Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу¹⁶. В тот же день граф с радостью сообщил Васнецову, что император «с большим вниманием и сочувствием отнёсся к вопросу» и намерен переговорить с великим князем об устройстве Кондакова в столице. «Чувствуется, — оптимистично заключал он, — что дело состоится, а при руководительном участии Кондакова успех его обеспечен»¹⁷.

Николай II принял академика 15 февраля 1900 г. Поначалу разговор не клеился. «Государь, — записал в дневнике присутствовавший на этой аудиенции гр. Шереметев, — видимо не знал с чего начать, а Кондаков никак не мог вступить в речь». Кое-как он всё-таки изложил своё видение предстоящей деятельности, но император, внимательно его выслушав, заявил: «Всё это дело гораздо глубже и серьёзнее, чем кажется с первого взгляда». Как полагал гр. Шереметев, царь, «видимо, понял, что здесь не только речь об издании», но и «вопрос, имеющий практическое применение к массе иконописцев, пока находящихся без призора или сбитых с колеи, вопрос о восстановлении и о художественном развитии множества тружеников». В итоге Николай II поручил Кондакову подготовить ещё одну записку, отделив проблему издания Подлинника от его «практического» применения¹⁸.

В дневнике Кондакова ход разговора очерчен более лаконично и сухо: «Кабинет. Любезен. “Никогда Вас не видел”. Почему в Ялте? Иконоведение. Давно Вы занимаетесь? Мы ничего не просили. Желая Вам здоровья и успеха»¹⁹. В эмиграции академик, уже подзабывший, в какой именно день состоялся приём, вспоминал, что пытался убедить Николая II лично «озаботиться поддержкою иконописи» и объяснял, зачем нужен «особый иконописный комитет», действующий при непосредственном участии царя, однако «ясно видел» утомлённое состояние собеседника, который «не вникает вовсе о том, как организовать эту помощь». Мемуаристу запомнился лишь вопрос: «Я думал о том, как назвать по-русски ваше занятие иконами — иконоведение, не правда ли?». Кондаков утверждал, будто бы испросил разрешение подать «особую записку», после этого они с графом ушли, и тот, «за всё время аудиенции не сказавший ни слова, был, видимо, разочарован»²⁰.

Но если гр. Шереметев и ожидал большего, то своему единомышленнику и свояку Д.С. Сипягину он в тот же день направил довольно оптимистичную записку о подготовке к изданию Иконописного подлинника, которое призна-

¹⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5046, л. 9–11.

¹⁷ Там же, д. 4075, л. 55 об.

¹⁸ Там же, д. 5046, л. 34–35.

¹⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 115, оп. 3, д. 15, л. 37 об.

²⁰ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002. С. 186–187.

валось «безотлагательно желательным и возможным», и о том, как с его помощью удовлетворить «нужды церковной живописи путём художественного образования многочисленных тружеников». Для этого предлагалось создавать «школы живописи» там, где остался «дух древнего иконописания». Именно об этом, по словам графа, император велел Кондакову составить дополнительную записку. Одновременно Сергей Дмитриевич надеялся изменить статус структуры, созданной при Обществе любителей древней письменности для выпуска Подлинника, и «обратить её в высочайше учреждённую комиссию», дабы обезопасить «от всяких посторонних давлений и вмешательств», поручив ей ведение «всего дела». При этом финансирование её деятельности осуществлялось бы через председателя и «под его ответственность». Правда, графа смущало, что при Министерстве финансов формировалось нечто «неясное и даже как будто опасное по вопросам художественной промышленности» (видимо, имелось в виду создание в 1899 г. общества при московском Художественно-промышленном музее²¹). Беспокойство вызывало и намерение архитектора В.Ф. Свиньина предупредить некие действия, которые планировали «элементы еврейские и антирусские, желающие захватить в свои руки всё дело художественно-промышленного развития»²². Тем не менее гр. Шереметев очевидно увлекался заманчивыми перспективами, искренне рассчитывал на сочувствие и содействие монарха и не демонстрировал никакого пессимизма.

Записка Кондакова о поощрении иконописного промысла была готова уже 1 марта. В ней, в частности, указывалось на желательность учреждения комиссии «по высочайшему соизволению» во избежание препятствий при получении «копий и снимков со священных образов в церквях и монастырях как России, так и православного Востока». Вся полиграфическую работу академик рассчитывал бесплатно возложить на Экспедицию заготовления государственных бумаг. Поскольку Подлинник предназначался прежде всего для удовлетворения «нужд русской народной иконописи», его составителям надлежало «поставить на первый план непосредственное практическое руководство для современных живописцев и иконописцев в их деле со стороны лучших исторических образцов», оставив «на втором плане ознакомление всего русского общества с высшими образцами религиозной живописи». По сути, задумка Кондакова состояла в том, чтобы, не ограничиваясь изданием руководства, реформировать всю систему подготовки иконописцев, создав на государственные средства специальные школы во владимирских «иконописных сёлах» — Мстёре, Палехе и Холуе. Они ориентировались бы исключительно на новый Подлинник и контролировались «со стороны художественной» Академией художеств, а организационно находились бы в ведении МВД²³.

Для основной проработки устройства будущих школ гр. Шереметев, Кондаков и Георгиевский в июне 1900 г. посетили «иконописные сёла». Граф после этой поездки издал брошюру, в которой эмоционально передал недовольство тамошних профессиональных иконописцев практикой изготовления образов типографским способом. «Машинная икона, — полагал он, — долго продержаться не может. Она отучит, охладит, она заставит “забыть” икону, и уже теперь видна возможность перехода от машинного образа на дереве

²¹ Проект устава Художественно-промышленного общества при Художественно-промышленном музее в Москве. М., 1899.

²² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4075, л. 62, 63–64 об.

²³ Там же, л. 68–69.

к картинкам на листках, которые легко и совсем впоследствии выбросить — как не соответствующие основному началу почитания икон». Ему казалось, что «машинное иконное дело — это начало конца иконопочитанию»²⁴. О своих тяжких впечатлениях, возникших в результате общения с владимирскими мастерами, и об опасности «“машинного” производства», «грозящего задушить всё дело нашего художественного иконописания по древним образцам», граф написал 29 октября 1900 г. Николаю II²⁵.

Кондаков более обстоятельно поведал о поездке на заседании Общества любителей древней письменности. Подробно охарактеризовав тяжёлые условия труда иконописцев, он констатировал, что мастера тем не менее «любят своё дело и работают во всё своё знание, без всякого желанья отделаться от работы». Едва ли не основной проблемой для них, по словам докладчика, являлась конкуренция со стороны московской фабрики «Жако и Бонакер», занимавшейся печатанием образов на жести. Кондаков призывал помочь им «избавиться от промышленников и позаботиться о том, чтобы иконописное мастерство не было ныне задавлено машинным производством». Для этого и надлежало открыть в Мстёре, Палехе и Холуе специальные школы. Их выпускники и ученики старших классов получили бы возможность «формироваться в артели, которым епархии могли бы поручать росписи сельских и городских церквей»²⁶.

Как вспоминал позднее Кондаков, в губернии «слух шёл ни много ни мало о том, что сам царь прислал близкого человека разузнать нужды русской иконописи». Поэтому «принимали нас в самих иконописных слободах все иконописцы, как мастера, так и заводчики, с почтением, но вместе с тем с недоумением и враждебными опасениями, как бы не пострадала коммерция и их порядки. Но, правду сказать, и охоты не было не только вмешиваться в эти порядки, но даже и близко всматриваться в них. Всё безобразие русских кустарных промыслов, весь ужас ручного производства дешёвки грозил угнетать всякое добросовестное исследование как экономического положения, так и художественного уровня»²⁷.

Через несколько дней после доклада Кондакова в Обществе любителей древней письменности и, видимо, под его влиянием Васнецов писал гр. Шереметеву: «Как бы совершенно ни воспроизводила машина рождённое и созданное духом человека, она невольно передаваемое умерщвляет. Невольно вносит в живое настроение человека свою мёртвую природу. Нельзя молиться при посредстве машины, нельзя и образ, предназначенный для молитвы, исполнять мёртвой машиной». Художник призывал к поддержке «редких оригинальных мастерских», в которых удалось сберечь «традиции и технику древней иконописи», и к созданию иконописных центров при монастырях. Всё это, по мнению Васнецова, могло бы устранить «недостаток в образах для потребности народа, исполненных руками человеческими», и положить конец «профанации высокой идеи образа машинным мёртвым производством и спекулянтами». При этом значение нового Иконописного подлинника лишь возрастало²⁸.

Вся эта небюрократическая активность вокруг реформирования иконописного дела не могла остаться неизвестной Победоносцеву. Гр. Шереметев

²⁴ Шереметев С.Д. Просёлки: путевые заметки. Вып. 2. М., 1901. С. 9.

²⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5046, л. 144 об.

²⁶ Правительственный вестник. 1900. 12 декабря. С. 3–4.

²⁷ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. С. 180–182.

²⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4075, л. 108–109 об.

и его единомышленники не посвящали обер-прокурора в свои планы, видимо, считая, что тот со свойственными ему назидательностью и резонёрством может навредить столь деликатному и сложному начинанию. В середине июня 1900 г. граф признался Кондакову, что «не без причины» предупредил о своей поездке во Владимирскую губ. близкого к Победоносцеву Рачинского. Тот, в свою очередь, ответил: «Холуй и Мстёра — пункты в высшей степени интересные и важные. Как ни потускнели в них, по отзывам многих, исконные традиции, корни их ещё должны быть живы, и могут быть вызваны новые здоровые ростки». Комментируя выражение «по отзывам многих», гр. Шереметев полагал: «Очевидно, тут есть некоторое отражение Литейной (на Литейном проспекте располагался дом обер-прокурора. — *О.Б.*)». Впрочем, его успокаивало то, что «в словах Рачинского чувствуется доброжелательство, и он может нам пригодиться своевременным воздействием на Кир Константина (Победоносцева. — *О.Б.*)»²⁹.

Граф Шереметев добивался независимости своей комиссии как от Синода, так и от других учреждений. На аудиенции в конце февраля 1901 г. он обратил внимание царя на то, что иконописное «дело относится к нескольким ведомствам» — к Синоду, Академии художеств и министерствам земледелия, императорского двора, народного просвещения и финансов, а это «составляет неудобство, тормозящее по известным причинам». На вопрос Николая II о возможности передать его в Синод граф ответил, что такое решение «не отстранит других и притом грозит бездействием и замиранием дела». В итоге «после некоторого раздумья» император признал данный предмет «серьёзным и выходящим из обычной категории» и объявил, что «предпочитает дать своё личное участие и покровительство — вне ведомств». Гр. Шереметев радостно заметил, что «лучшего ничего нельзя желать и счастливейшего для пользы дела»³⁰. 19 марта Николай II подписал указ Правительствующему Сенату и положение об учреждении «под непосредственным покровительством его императорского величества» Комитета попечительства о русской иконописи. Его председателем стал гр. Шереметев, а непременным членом и управляющим делами — Кондаков. В состав Комитета входили представители от Святейшего Синода и министерств императорского двора, внутренних дел, финансов, народного просвещения и земледелия и государственных имуществ, назначавшиеся главами ведомств с одобрения царя. «С правом совещательного голоса» на его заседания могли приглашаться и другие лица³¹.

Указ и положение готовились в МВД. Перед этим Кондаков по поручению гр. Шереметева объяснялся с министром, которому четверть часа толковал про «положение иконописцев в зависимости от синодального распоряжения». Как вспоминал академик, «Сипягин мало обратил на это внимания, но ему, видимо, не понравилось выраженное мною желание, чтобы государь, по старому обычаю, принял лично некоторое участие в деле, и когда я стал приводить ему резоны, он задумался, было видно, что это не входило в его расчёты. Он даже предложил мне с самого начала устроить комиссию при Святейшем Синоде, на что я ему сказал, что комитет устраивается в известном смысле против Св[ятейшего] Синода, и следовательно подчинить его обер-прокурору

²⁹ Там же, л. 70 об.

³⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 9, л. 35–36.

³¹ ПСЗ-III. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19828. С. 144–146.

или как-нибудь связать его с ним, считаю для своего участия, по крайней мере, немислимым». Тогда министр отправил помощника гр. Шереметева согласовывать детали законопроекта с директором Департамента общих дел В.Ф. Треповым. Кондаков был этому даже рад, поскольку надеялся, «что хотя у этого найдётся, наконец, время вникнуть во все обстоятельства довольно сложной конструкции». Однако вскоре его ожидало разочарование: «Хотя Трепов и был умный человек, и слушал меня внимательно, и даже одобрял мои резоны, но тем не менее он был, прежде всего и более всего, большой петербургский чиновник, который постарался исполнить дело по чиновнической строгой программе». А она «не допускала того, чтобы русский государь принимал сам непосредственное участие в каком бы то ни было деле, ибо он в таком случае выходил из-под власти чиновников, или петербургской бюрократии»³².

Для обер-прокурора Святейшего Синода учреждение Комитета оказалось, по его словам, «неожиданностью». Победоносцев попытался узнать о том, как это произошло, у гр. Шереметева, с которым столкнулся 7 мая 1901 г. в Мариинском дворце на торжественном заседании по случаю столетия Государственного совета. 16 декабря 1903 г. он напомнил графу о той встрече: «К удивлению моему, Вы встретили мой вопрос необычайным раздражением и, возвысив голос, как бы оскорбились моим вопросом. Понятно, что это крайне удивило меня, и я выразил своё удивление покойному Д.С. Сипягину. С этой минуты остался я под таким впечатлением, что дело комитета имеет для Вас какую-то болезненную чувствительность, и потому избегал касаться его в разговоре с Вами, опасаясь вызвать раздражение»³³.

Со своей стороны, председатель Комитета предпочитал по всем вопросам обращаться непосредственно к царю, не советуясь с обер-прокурором, разумеется, воспринимавшим это как бесцеремонное вторжение в сферу его компетенции. В конце 1903 г. это вызвало между ними довольно резкую перепалку, начавшуюся после того, как в Синоде получили письменное уведомление о решении императора на основании жалобы гр. Шереметева заменить священника, представлявшего в Комитете духовное ведомство. Победоносцева не могло не задеть то, что граф, которого он с весны видел несколько раз, ничего не говорил ему ни о своих претензиях, ни о намерении жаловаться монарху. Более того, не ставя в известность обер-прокурора, он предложил одному из епископов занять освобождающееся место. Архиерей обратился за указаниями в Синод, где решили «во исполнение высочайшей воли» направить в Комитет протоиерея петербургского Казанского собора Василия Прозорова, так как «не бывало ещё примера, чтобы лицо в сане епископа состояло членом коллегии под председательством светского генерала»³⁴.

10 декабря Победоносцев сообщил об этом гр. Шереметеву, который, не возражая против данного назначения, попытался объяснить. «Не я создал Комитет, который государь называет своим комитетом, — уверял он обер-прокурора в ответном письме 15 декабря. — Не я просил, чтобы меня назначили его председателем с правом личного доклада». Если Победоносцев ставил ему в вину отказ от предварительного согласования действий, то гр. Шереметев доказывал, что у такого поведения имелись веские причины: «Но ведь с самого

³² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. С. 188–189.

³³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4080, л. 14–14 об.

³⁴ Там же, л. 3–3 об.

основания Комитета я не мог не видеть несочувственного к нему отношения ведомства». Оно будто бы «сквозило во всё». Поэтому, оправдывался граф, «не желая из чувства деликатности касаться предмета, почему-то неприятного, я действительно иногда избегал о нём с Вами говорить, зная, что за Вами могут быть лица, мне не сочувствующие, всегда готовы[e] поддержать Ваши подозрения». В подтверждение своих слов гр. Шереметев приводил то, что Синод более полугодом никак не реагировал на бумагу с «собственноручными отметками государя», хотя другие учреждения на неё уже ответили. Отказ включить в состав Комитета епископа, напротив, не вызвал у его председателя особого недовольства. «Конечно, — иронизировал граф, — менее всего сочувствую принижению духовенства перед “генералами”, и потому особенно приятно мне было слышать таковое же Ваше мнение»³⁵.

В тот же день Победоносцев прислал ответ, в котором называл подозрения в какой-либо неприязни к Комитету со стороны Синода и обер-прокурора необоснованными, и заключал: «Поверьте, многоуважаемый Сергей Дмитриевич, что всякие недоразумения происходят от того, что Вы до сих пор уклонились от самого простого объяснения со мной при бывших свиданиях»³⁶. 16 декабря гр. Шереметев откликнулся в примирительном духе: «С удовольствием готов, согласно желанию Вашему, пользоваться любезным предложением объяснить при свиданиях во избежание повторения испытанных недоразумений». По его словам, обращение к епископу имело «частный характер», причём и граф только «намекнул на известный вопрос, желая лишь знать взгляд на оный пресвященного», и никак не ожидал, чтобы это «возымело необычайный ход». И хотя он не чувствовал за собой вины, но надеялся на лучшее: «Отныне убеждён в том, что подобных недоразумений быть уже не может, ибо я не буду уже стеснён в откровенных беседах с Вами»³⁷.

Учреждение Комитета дало повод для критики синодальных порядков в печати. В «Санкт-Петербургских ведомостях» сетовали на то, что «наша администрация очень сложна и обильна чиновниками, тем не менее защищать и оберегать национальное достояние некому». Так, «Синод существует 200 лет, и во всё это время наше иконописание не пользовалось почти никаким вниманием. Как готовились иконы, кто их писал, каковы нужды и потребности этого старого на Руси дела — всё это как бы забывалось, и только когда стали раздаваться уже сильные жалобы на ухудшение икон, обратили на это внимание». Но и тут духовные власти «вместо того, чтобы помочь упавшему искусству, допускают к обращению печатные иконы, что в корне должно подорвать иконописание»³⁸.

Характерно, что в официальной истории Комитета его создание изображалось совершенно иначе, нежели происходило на самом деле, и выглядело как отклик царя на прошение владимирских иконописцев, которые с 1898 г. тщетно убеждали Святейший Синод запретить продажу икон, напечатанных на жести, в церковных и монастырских лавках³⁹. В самом Святейшем Синоде о де-

³⁵ Там же, л. 4–4 об.

³⁶ Там же, л. 10–10 об.

³⁷ Там же, л. 11–11 об.

³⁸ *Крюков Н.А.* Праздник русской иконописи // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 17 апреля. С. 2.

³⁹ Высочайше учреждённый Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб., 1907. С. 5–11. Между тем в 1900 г. во время поездки гр. Шереметева такое ходатайство ни

тище гр. Шереметева отзывались весьма сдержанно. Во всеподданнейшем отчёте обер-прокурора за 1901 г. вовсе не упоминалось о деятельности Общества любителей древней письменности, зато отмечался интерес к подготовке нового Подлинника и к упорядочению иконописного промысла Московского общества любителей духовного просвещения — организации, близкой к синодальным структурам. При этом признавалось, что какие-либо «мероприятия», способные улучшить положение дел, «не могли быть осуществлены за отсутствием до последнего времени соответствующего центрального учреждения, которое имело бы специальной целью постоянное попечение об этой весьма важной стороне церковной жизни». В связи с этим учреждение Комитета, наделённого правом вести «непосредственные сношения» со всеми ведомствами и доводить о своих решениях до сведения императора, представлялось вполне логичным⁴⁰.

Таким образом, создание Комитета попечительства о русской иконописи при всей специфике сферы его деятельности изначально сопровождалось конфликтами в среде политической элиты. И в них наглядно отразились изъяны синодального управления Церковью и ведомственных подходов к решению проблем, требовавших инициативы и личной заинтересованности.

разу не упоминалось, хотя в «иконописных сёлах» проходили волостные сходы, на которых мастера просили заступничества и помощи. Георгиевский тогда взялся составить от их имени текст «челобитной», однако состоятельные палехские мастера категорически отказались её подписывать и решительно возражали против открытия у себя учебной мастерской, опасаясь усиления конкуренции (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4075, л. 77–79 об.).

⁴⁰ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева за 1901 г. по ведомству православного исповедания. СПб., 1905. С. 22–24.